

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛЮ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

ГЕНЕРАЛ А.П.ЕРМОЛОВ И ПРИНЦ АББАС-МИРЗА КАДЖАР
(социально-психологические портреты)

Первая треть XIX в. была периодом наиболее активных политических и дипломатических отношений между Ираном и Россией. Насыщенность этого периода военно-политическими событиями (две русско-персидские войны, взаимный обмен дипломатическими посольствами, трагическая гибель русской миссии в Тегеране в 1829 г.) определила и особую интенсивность и значимость внешнеполитических отношений между двумя государствами. Всю внешнюю политику Ирана осуществлял наибас-салтане Аббас-Мирза Каджар, второй сын Фатх-Алишаха, назначенный им престолонаследником; политику царской России на Кавказе и в Иране проводил главнокомандующий войсками и управляющий гражданской частью на Кавказе генерал Алексей Петрович Ермолов. Оба они были сильными, незаурядными личностями, оба считали себя лично ответственными за политику своих правительств, оба были горды и неуступчивы. Поэтому и отношения их складывались не просто, что определялось не только их личными качествами, но и конфликтностью самой ситуации – Россия наступала, Иран оборонялся, пытаясь как-то отстоять целостность своей территории. И хотя исход борьбы был исторически предрешен экономической отсталостью и феодальной раздробленностью Ирана, личные качества Ермолова и Аббас-Мирзы и характер их отношений, своеобразной дружбы-вражды, безусловно отразились на ходе и методах этой борьбы.

Трудно найти фигуру более популярную в России в 20 гг. прошлого века, чем генерал Ермолов, кумир армии и всей России. О нем писали и посвятили ему стихи Жуковский, Пушкин, Батюшков, Лермонтов, Крылов и др. поэты и писатели. Библиография работ о нем, изданная в 1910 г., насчитывает более 400 названий.¹ Пожалуй, только об одном еще человеке современники написали больше – о Пушкине. Молодой, 36-летний генерал, человек беспримерного мужества, покрывший себя славой на Бородинском поле, первым во главе своего гвардейского корпуса вошедший в Париж в 1814 г., твердой рукой проводивший политику русского царизма на Кавказе, в 1853 г., в начале Крымской войны призванный московским дворянством встать во главе народного ополчения России – Ермолов при жизни стал легендой. Способствовало его популярности и то, что генерал открыто находился в оппозиции к правящим кругам: при императоре Павле он два года просидел в Петропавловской крепости, он ненавидел и об-

лично всесильного Аракчеева и его окружение, он никого не боялся и говорил правду в глаза самому царю. Следует отметить, что Ермолов не был революционером, даже дворянским революционером его нельзя назвать – по убеждениям он был монархистом и защитником прав и привилегий дворянства. Он никогда не посягал на основы самодержавия и возмущался лишь аракчеевскими методами управления, лихоимством чиновников, произволом жандармов, бездарностью военачальников и дипломатов. Он обладал острым и саркастическим умом и язвительным языком, и его злые и меткие выражения быстро расходились по всей России. Неудивительно, что у Ермолова было много врагов, причем самых высокопоставленных и могущественных – в Министерстве Иностранных Дел, в Главном Штабе, при дворе. Все биографы генерала отмечают, что назначение на Кавказ он получил по настояниям Аракчеева: уволить его из армии Александр I не решился из-за его необычайной популярности, и Ермолов был отправлен в ссылку под пули горцев.

Итак, генерал Ермолов был умен, горд, независим, честолюбив, решителен, никогда не отступал перед трудностями и горячо любил Россию. Управляя 11 лет громадным краем, Ермолов проявил себя не только как талантливый военачальник, но и как способный и решительный администратор и дипломат. Будучи военным, он не был сторонником муштры, фрунта и парадов – некоторые исследователи называют его продолжателем суворовских традиций в армии.² Он ценил своих офицеров не по происхождению и связям, а по делам и заслугам, он помнил по именам сотни солдат и постоянно заботился об их быте. Армия была всецело предана Ермолову.

После декабрьских событий 1825 г. Николай I был очень напуган и ожидал чего угодно. Уже почти из всех губерний и краев России пришли в Петербург подтверждения о том, что все их военные и гражданские чины присягнули Николаю, а от Ермолова все не было никаких известий. Враги его распространяли слухи о том, что Кавказ восстал, отказался присягать и что Ермолов ведет армию на Москву. Николай нервничал. Наконец прибыл курьер и привез присягу. Придворные, окружив курьера, начали говорить, что мол, слава богу, а то ходят слухи, что Кавказ не присягнул. Ответ курьера запал в память царю: да как же мог Кавказ не присягнуть, если он получил приказ Ермолова! Николай не терпел независимых и популярных людей: для него главными качествами в подчиненных были преданность и исполнительность. Через год Ермолов был вынужден уйти в отставку.

Вот такой человек был назначен в 1816 г. чрезвычайным и полномочным посланником к Фатх-Али-шаху и одновременно военным и

гражданским начальником всего Кавказа и пограничных территорий. Как известно, первая русско-персидская война закончилась присоединением к России большей части азербайджанских ханств и некоторых районов горной Армении и восточной Грузии. Но персидское правительство хотя и проиграло войну, не хотело мириться с потерей прежних владений и пыталось хитростью и дипломатическим путем исправить положение. В 1815 г. в Россию прибыло персидское посольство во главе с министром иностранных дел Абу-л-Хасан-ханом. Главной его целью было склонить Александра I на уступку Ирану отвоеванных у него владений.

Александр, в то время более озабоченный устройством европейских дел после поражения Наполеона, решил пойти на некоторые уступки, чтобы сохранить дружественные отношения с Ираном: в то время для русского правительства нейтралитет Ирана в русско-турецких отношениях был важнее даже территориальных приобретений. Абу-л-Хасан-хану ответили, что вопрос этот будет тщательно рассмотрен и ответ иранскому правительству привезет русский посланник. Абу-л-Хасан-хан отбыл с полной уверенностью, что все его требования будут выполнены.

Посланником в Иран был назначен ген. Ермолов. В инструкции Министерства Иностранных Дел ему предписывалось на месте решить: какие владения можно уступить Ирану "без неудобства для России". Ермолов, человек решительный и, как военный, несклонный отдавать то, что уже завоевано, решил, что "без неудобства для России" нельзя уступить ни пяди. С таким решением он и отправился в Иран. Перед ним стояла трудная задача: нужно было отказать шаху в его требованиях и в то же время сохранить мирные и дружественные отношения с Ираном. С этой задачей Ермолов справился успешно: он так ловко повед переговоры, что шах сам отказался от своих притязаний.

Очутившись впервые в Иране, посол, как человек умный и проницательный, быстро и правильно оценил обстановку в стране, расстановку сил и партий при дворе, характер шаха и наследника и влияние англичан при дворах - тегеранском и тебризском. Посол застал в Иране антирусские настроения, враждебные слухи, распространяемые англичанами, новый набор в армию и военные приготовления. Из Тебриза в день прибытия русского посольства демонстративно был отправлен в Турцию персидский посол с предложением заключить антирусский военный союз. Ермолов решил вести свою линию твердо и последовательно, не бояться угроз и не уступать ни в чем: он сразу понял, что уступчивость в любом вопросе будет истолкована иранской стороной как проявление слабости.

Осложнения начались еще в Тебризе, при первой встрече с Аббас-Мирзой. Ермолов решительно отказался выполнить унижительные требования персидского придворного этикета – снять сапоги и надеть красные чулки, разговаривать с принцем стоя и отдельно от свиты и т.д. До тех пор иностранцы в Иране неукоснительно соблюдали все требования этикета. Но они обычно выступали в роли просителей, а Ермолов прибыл как представитель страны-победительницы. Вот что он писал в своем дневнике: "Во время Наполеона, когда все средства изыскивал он вредить России, присланный от него в Персию генерал Гардан, дабы вкратце в доверенность персиян, делал все им угождения и ему после красного колпака вольности нетрудно было надевать красные чулки. Посланники английские ... с намерением тесной связью приобрести исключительные для торговли выгоды, также не делают затруднения в исполнении предлагаемого этикета... А как я не приехал ни с чувствами наполеонова шпиона, ни с прибыточными расчётами приказчика купечествовавшей нации, то я не согласился на красные чулки и прочие условия".³

После обсуждения вопроса о границах и вручения подарков русский посол отправился обратно через Тебриз, где он должен был обсудить с наследником еще два вопроса – об учреждении в Иране российских консульств и о возвращении на родину русских военнопленных и дезертиров.⁴ Первый вопрос разрешился быстро и удовлетворительно, второй не разрешился совсем: в Тебризе Ермолов узнал, что накануне его прибытия иранские власти срочно отправили полк русских дезертиров против взбунтовавшихся курдов, а оставшихся закрыли под замок. Взбешенный Ермолов отказался вообще обсуждать этот вопрос.

Неприязнь, возникшая между послом и принцем в первую их встречу, обострилась во время второй встречи, а потом превратилась во взаимную ненависть. Аббас-Мирза был более агрессивен, чем его отец Фатх-Али-шах. Он прекрасно понимал, какой удар его личному престижу был нанесен поражением в войне с Россией и как это поражение могло быть использовано его братьями, соперниками в будущей борьбе за власть. Он хотел реванша любой ценой. Недовольный тем, что шах так быстро отказался от своих требований, Аббас-Мирза, не смея обвинять шаха, перенес всю неприязнь на Ермолова, который к тому же не проявлял должной почтительности к принцу, а вел себя на равных. Для Аббас-Мирзы Ермолов был хоть и боевым и заслуженным генералом, но ведь простым слугою своего царя, а для Ермолова Аббас-Мирза был всего лишь одним из принцев царствующей фамилии в стране, которую Ермолов считал отсталой и дикой. К тому же английские

офицеры, находившиеся у Аббас-Мирзы на службе, уверили его, что теперь персидская армия, обученная ими по европейскому образцу, быстро разобьет русских, а Лондон никогда не позволит Петербургу предпринять какие-либо решительные дипломатические шаги против Ирана.

Кроме того, возник еще один важный вопрос, разрешение которого целиком зависело от Ермолова – вопрос о титуле престолонаследника. Аббас-Мирза потребовал, чтобы русское правительство официально признало его наследником и именно так именовало его во всей официальной переписке. Ермолов решил не торопиться. Он ясно видел, что принц – послушное орудие в руках англичан и, укрепив его позиции, Россия поступит на пользу только британской дипломатии, а признав официально Аббас-Мирзу наследником, Россия должна была взять на себя обязательство вмешаться в будущую распря и оказать ему помощь в борьбе с соперниками.

Ермолов уклонился от обсуждения этого вопроса, что вызвало открытую ненависть принца. Они расстались врагами. Вынужденные в течение 10 лет поддерживать официальные отношения как представители своих правительств, они регулярно обменивались нотами и посланиями, наполненными лицемерными заверениями в дружбе и уважении, но любое практическое предложение одного из них сразу же вызывало противодействие другого. Принц пытался установить переписку с Николаем I и Министерством Иностранных Дел помимо канцелярии Ермолова, но канцлер К.В.Нессельроде нашел это неприличным. Есть даже свидетельство того, что в начале II-ой русско-персидской войны Аббас-Мирза тайно подкупил одного нукера за 5000 туманов, чтобы тот убил Ермолова (шифрованное донесение кн.Меншикова из Ирана летом 1826 г.).⁵ И может быть это покушение и состоялось бы, но в начале 1827 г. Ермолов был отозван с Кавказа и заменен ген.Паскевичем. Замена эта не принесла удачи Аббас-Мирзе: его войска были наголову разбиты, Иран потерял еще и Армению и был вынужден уплатить громадную контрибуцию, часть которой принц выплатил из своих личных средств.

Почему же таким образом, а не иначе сложились отношения этих двух действительно выдающихся людей, сыгравших такую значительную роль в событиях тех лет? В первую очередь это объясняется, конечно, конфликтностью самой ситуации – они были врагами. Но нельзя не учитывать и другой фактор, психологический. Уже с самой первой встречи между ними возникло определенное противостояние, неприятие, психологическая несовместимость. Ермолов был европейцем, столкнувшимся с чужой страной, с другой психологией, с иным жизненным ук-

ладом. В своем высокомерии он смотрел на все с европоцентристской точки зрения – все неевропейское, все, что было непонятно или необычно – все было плохо. Именно в канцелярии Ермолова сложилось то пренебрежительное отношение ко всему персидскому, что так быстро усвоили многие служившие у него офицеры и чиновники. И воплощением всего ненавистного в Персии стал для него Аббас-Мирза, с которым он больше всего сталкивался. "Зная Аббас-Мирзу, я никогда ни одному его слову не поверю", – не устают повторять он. Таков был стиль его работы – не нужно ни во что вникать, не нужно считаться с особенностями иранской жизни, нужно выполнять свои задачи, а главная задача – укреплять престиж России. Ермолов и в своем дневнике, и в официальных бумагах постоянно подчеркивает только отрицательные качества Аббас-Мирзы – его коварство, надменность, ограниченность, слабоволие, тщеславие и вероломство. Любопытно, что английские и французские авторы, писавшие об Аббас-Мирзе, тоже давали ему необъективную характеристику, но они приписывали ему только положительные качества, что являлось, как указывает советский исследователь С.В.Шостакович, следствием их политических симпатий⁶. Аббас-Мирза был первым из иранских правителей, симпатизировавшим европейцам. Большинство европейцев, писавших о нем, находились у него на службе и получали от него жалованье, а дипломаты возлагали на принца большие надежды как на проводника английской политики и ярого противника России. Поэтому они описывают его как человека чрезвычайно умного, энергичного, сторонника европейского просвещения и реформатора.

Повидимому ближе всех к истине были другие русские дипломаты, не ослепленные как Ермолов, чувством личной неприязни – А.С.Грибоедов, Н.Н.Муравьев, В.П.Бороздна, М.Е.Коцебу и др. Они отмечают, что Аббас-Мирза был, безусловно, умен и проницателен, "обладал верными взглядами на людей и вещи", был способен иногда на решительные поступки, но легко поддавался посторонним влияниям, был переменчив, жесток, как многие слабые люди, обладающие большой властью, коварен и корыстолюбив. Все это верно. Аббас-Мирза был и надменен – но ведь он был кадjarский принц, наследник престола, второе лицо в государстве; он был и коварен – но он вырос и жил в атмосфере интриг, зависти и предательства, ему нужно было любыми средствами сохранить положение наследника, а потом победить в борьбе за престол многочисленных братьев-соперников; он был и вероломен – но он был мусульманин и боролся с неверными, а здесь все средства хороши и морально оправданы; он не был корыстолюбив в личном плане, наоборот, все авторы отмечают, что в

личных расходах он был весьма умерен, но ему постоянно нужны были деньги: на создание армии, на жалованье инструкторам-иностранцам, на ведение войн с Россией и Турцией, на подкуп мятежных кавказских ханов, наконец на уплату туркманчайских куруров. Кроме того, постоянная привычка льстить и самому находиться в окружении льстецов, необходимость унижаться перед шахом и в то же время повелевать, обещать и не быть в состоянии исполнить обещанное - какой еще характер мог сложиться в подобных условиях?

Аббас-Мирза просто не мог быть таким, каким хотел его видеть Ермолов. Все черты его характера - это качества человека определенного времени и определенного положения и в этом смысле можно сказать, что Аббас-Мирза социально типичен. Всего этого не мог увидеть Ермолов. Нужно было иметь больше гибкости для понимания того, что на всей жизни иранцев - на их психологии, мировоззрении, привычках и традициях лежит неизгладимый отпечаток иранской феодальной действительности.

-
1. Библиографический указатель сочинений, журнальных статей и заметок об А.П.Ермолове. Составил Александр Ермолов. Приложение к журналу "Русский библиофил" 1911 года. СПб. 1911, 35 сс.
  2. А.В.Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М. 1958, с. 221-222.
  3. А.П.Ермолов. Журнал, веденный во время поездки в Персию в 1817 году. - ЧОИДР. 1863, кн. 3, с. 129.
  4. Речь шла о русских военнопленных и дезертирах, находившихся в Иране. Случаи дезертирства из русской армии в то время были нередким явлением. Этому способствовала вся атмосфера царской армии с ее муштрой, палочной дисциплиной и непомерно жестокими военными законами. Основной причиной дезертирства солдат был страх перед жестокими наказаниями даже за незначительные проступки. Иранские власти из политических и военных соображений охотно принимали беглецов, оказывали им покровительство и всячески препятствовали их возвращению на родину. Сформированный в Иране русский полк под командованием бывшего есаула Самсона Макинцева (Самсон-хана) прославился отчаянной храбростью и стал ударной силой иранской армии в сражениях с туркменами, афганцами, курдами. Значительный контингент среди дезертиров составляли поляки. После разгрома Наполеона поляки, служившие во французской армии, были направлены на бессрочную службу в отдаленные гарнизоны Сибири и на Кавказ. Они дезертировали из политических соображений. Число их особенно возросло после

1831 года. При осаде Герата в 1838 г. русский полк Самсон-хана насчитывал уже несколько польских рот. Подробности о дезертирах и их дальнейших судьбах см. в статьях: А.П.Берже. Самсон Яковлев Макинцев и русские беглецы в Персии. - "Русская старина". Т.15, 1876, с. 770-804; Н.В.Ханьков. Очерк служебной деятельности ген.-майора Альбранда. Тифлис, 1850. Значительное место отведено вопросу о дезертирах и военнопленных в донесениях русских дипломатов из Ирана - С.И.Мазаровича, А.С.Грибоедова, К.А.Амбургера и др., опубликованных в АКАК.

5. АКАК. Т.6, ч. 2, с. 321.

6. С.В.Шостакович. Английская дипломатия и борьба вокруг престола в Иране в первой половине XIX века. - Вопросы истории международных отношений и колониальной политики. Вып. I. Иркутск. 1974, с. 53.

В.Ю.Климов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНИЯ ВОЗЧИКОВ 1418 Г. В ЯПОНИИ

XV век в истории Японии отмечен грандиозными выступлениями трудового народа. В этом столетии "... крестьянство подымает целый ряд восстаний, по временам сливающихся в общий поток и приобретающих подобие могучей крестьянской войны" /1, с. 13/. Широко известны антифеодальные выступления 1428-1429 гг., 1441 года, 1485 года в провинции Ямасиро, 1474 года под религиозными лозунгами в провинции Кага. На их фоне восстание возчиков ("басяку" - буквально "одалживающие лошадь") 1418 года, возможно, выглядит событием местного масштаба, не имеющим большого значения.

Отчасти это верно: в этом восстании не приняли участие широкие народные массы, в этом выступлении прежде всего защищались интересы возчиков, восстание носило характер выступления людей одной профессии. Но, с другой стороны, в выступлении возчиков 1418 года можно проследить органическую связь с последующими восстаниями, многие формы и методы борьбы, с успехом примененные позже народными массами в 1428-1429 гг. и 1441 г.

Возчики ("басяку") были заняты перевозкой различных грузов и почты с помощью конной тяги. Такие населенные пункты, как Цуруга, Кидзу, Оцу, Сакамото, считались поселениями возчиков /4, с. 394-399/.

Ход восстания 1418 года можно воссоздать по дневнику "Каммон